

3) модель «частка + вигук» (формально зараховуємо вигук до повнозначних частин мови): *ні бум-бум, ні тпру ні но*;

4) модель «сполучник + іменник»: *як антена, як іграшка*;

5) модель «частка + прийменник + іменник»: *аж під стелю*.

Отже, фразеологізми східностепових українських говірок із архісемою 'людина' демонструють значний потенціал у своєму значеннево-структурному вияві, зокрема ті, що співвідносні з моделлю словосполучення.

Список використаних джерел

1. Скрипник, Л. Фразеологія української мови / Л. Скрипник. – К. : Наукова думка, 1973. – 280 с.
2. Авксентьев, Л. Сучасна українська мова. Фразеологія / Л. Авксентьев. – Х. : «Вища школа», 1983. – 137 с.
3. Білоноженко, В. Незамкнені фразеологічні структури та їх лексикографічна інтерпретація / В. Білоноженко // Мовознавство. – 1984. – №1. – С. 41–44.
4. Ужченко, В. Фразеологія сучасної української мови / В. Ужченко, Д. Ужченко. – Луганськ : Альма-матер, 2005. – 400 с.

The article provides a structural description of the phraseology of Eastern Steppe Ukrainian dialects with the archisema 'human'. It is revealed that the most numerous is the group of areal phraseological units, organized according to the structural model of the phrase; the second largest group are areal phraseological units, organized by sentence structure; on the periphery is the third group of areal phraseological units with the structure "incomplete part of speech + full".

Keywords: areal phraseological unit, structural classification, structural model.

УДК 811.161.1'0'374.2:398.91

Е. В. Генералова

ПОСЛОВИЦЫ КАК ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

В статье обсуждается возможность и информативность использования пословиц как иллюстраций в исторической лексикографии, рассматриваются функции пословичных высказываний в историческом словаре толкового типа. В свою очередь материалы исторических словарей, содержащих пословицы в качестве иллюстраций, демонстрируют место пословичной лексики в лексико-семантической системе языка определенного периода.

Ключевые слова: поговорки, историческая лексикография, словарная статья, история языка, семантика.

Пословицы, поговорки, притчевые афоризмы – складывавшийся веками ценнейший языковой ресурс. Однако вопрос, в какой мере он может быть использован для лексикографических иллюстраций, совсем не прост.

В настоящей статье рассматриваются некоторые общие аспекты, связанные с применением пословичных высказываний как иллюстраций в исторической лексикографии. С одной стороны, таким образом, в статье обсуждается лексикографический вопрос: насколько в историческом словаре пословичные контексты могут выполнять функции иллюстраций в словарных статьях, т. е. языковых примеров, которые «подтверждают наличие слова или значения в языке, разъясняют значение слова в контексте, показывают переход слова из языка в речь, приобретение им дополнительных оттенков значения, сообщают сведения внеязыкового характера об обозначаемом

предмете, повышают познавательную ценность словаря» [1, с. 463]. С другой стороны, проблематика статьи актуальна в аспекте исторической паремиологии: рассмотрение места паремий в исторических словарях важно в свете назревшей проблемы документированного диахронического исследования пословичного материала. В. М. Мокиенко подчеркивает, что «отточенной методики лингвистического анализа славянских пословиц в диахроническом аспекте, однако, нам очень не хватает и, судя по всему, она еще не скоро появится [2, с. 17].

С учетом того, что специфика исторической лексикографии заключается в интерпретации письменных свидетельств языка определенного периода, первый вопрос, который решают авторы исторического словаря, – проблема четкой временной атрибуции пословичного материала. Сложность состоит в том, что паремии – древний материал, многие пословично-поговорочные высказывания имеют фольклорное, другие – цитатное происхождение, в связи с чем затруднительно их однозначное отнесение к определенному хронологическому периоду. Составитель исторического словаря при решении использовать в словарных статьях пословичные иллюстрации ориентируется на дату создания памятника, содержащего паремии. При этом паремии могут фиксироваться как включенный материал в виде цитат (например, афоризмами изобилует «Моление Даниила Заточника», ряд пословиц и поговорок обнаруживается в разговорниках иностранных купцов и путешественников XVI–XVII вв., и т. п.), а могут составлять содержание специальных сборников (сборники назидательных афористических изречений были популярны еще в Древней Руси, например, древнерусская «Пчела», «Апофегмата» и др., наиболее ранние же сборники собственно пословиц появляются в России в конце XVII – начале XVIII вв). Именно в связи с историей фиксации пословиц в памятниках русского языка находится лексикографическая практика: словари, описывающие более ранний языковой период («Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.»), не включают пословицы в качестве иллюстраций (хотя вполне возможно, что как устные высказывания эти сентенции уже были известны в то время), словари же, описывающие языковую стихию, характерную для более поздних периодов («Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII вв.»), используют этот иллюстративный материал, подтверждая его ссылкой на источник письменной фиксации конкретной пословицы.

Сопоставление пословичного материала с общим массивом лексики, описываемой в исторических толковых словарях, демонстрирует справедливость такого решения: можно наглядно наблюдать общую преемственность лексического состава пословиц и основного словарного состава языка соответствующего периода. Более того, ярко обнаруживается такая черта лексики пословиц, как традиционность. Например, включаемые в «Словарь русского языка XVIII в.» пословицы из сборника Симони 1700–1730-х гг. [3] не обнаруживают в своем составе слова иноязычного происхождения собственно Петровского времени (притом, что активизация процесса заимствования из европейских языков, как известно, яркая черта Петровской эпохи), зато включают заимствования из западноевропейских языков, относящиеся к периоду языка Московской Руси: см. *аптека* (слово заимствовано в XVI в.) (*Аптека улечитъ на полвека, Аптека не о два вѣка* [3, с. 173], *Аптекарь придаватса уже денгам не жаться* [3, с. 174]) и производное *аптекарь* (*Аптекари лѣчатъ а хворыя крычатъ* [3, с. 174]), *фляга* (фиксируется в XVI в.) (*Варить брага потерять и фляга* [3, с. 177]), *пань* (хорошо освоенное в XVII в. заимствование из польского, используется в пословице уже с переносным, расширительным значением ‘барин, помещик, хозяин’) (*Хрстьянинъ пьянь то самъ себѣ пань* [3, с. 200]). В пословицах сборника Петровской эпохи фиксируется также ряд слов, не функционирующих в языке XVIII в., но хорошо известных в языке предыдущего периода, на этот факт обращает внимание и Д. А. Мартынов, сопоставляющий лексику пословиц с лексическими материалами словарей, описывающих разные периоды истории русского языка [4, с. 68–69]. См. например:

в «Словаре русского языка XVIII в.» отсутствует существительное *грай* (*Грай соколу, а лягушка воронъ* [3, с. 180]), есть только глагол *гряти* ‘кричать (о вороне)’ [5, вып. 5, с. 225], в то время как в старорусском языке хорошо известен и глагол *гряти*, и существительное *грай* ‘отрывистые, резкие звуки, издаваемые птицами’ [6, вып. 4, с. 249].

Таким образом, языковой материал пословиц, являющийся, как правило, результатом многовековых процессов лексико-семантического отбора, сложения, закрепления, может быть отнесен к тому или иному хронологическому периоду с учетом фиксации паремий в датированном сборнике (памятнике), причем это очень показательный и информативный материал в отношении преемственности словарного состава разных эпох.

Вторая проблема – жанровая специфика пословичного материала, его фольклорное (во многих случаях) происхождение. Включение или невключение паремиологического материала напрямую обусловлено концепцией соответствующего исторического словаря. Паремии являются обязательными иллюстрациями в словаре отдельного памятника, построенного по принципу тезауруса (как, например, «Словарь «Моления Даниила Заточника»»), уместны в словаре определенного типа языка (например, в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», отражающем процесс формирования общенародной обиходно-разговорной речи в сложном взаимодействии разных лексических пластов). Пословичные иллюстрации, как правило, включаются в словари, описывающие языковую стихию определенного периода, от которого дошли сборники паремий («Словарь русского языка XVIII в.»), в общий регистрирующий словарь («Словарь русского языка XI–XVII вв.») и обычно не используются в исторических диалектных словарях, терминологических исторических словарях.

Отдельный вопрос представляет собой семантическая характеристика слов, входящих в состав паремий. Отказ от использования пословичных иллюстраций в лексикографии обычно аргументируется тем, что пословица имеет не буквальный, а обобщенный, переносный смысл. Мы склонны согласиться с Г. М. Шипицыной, что «феномен обобщенного метафорического значения пословицы формируется не столько за счет переноса значения у отдельных лексических компонентов пословицы, образующих ее образную структуру, сколько за счет утраты словами пословицы изначальной референции изображаемых объектов и, как следствие, – развивающейся диффузности переносно-образного значения» [7, с. 229]. Утрата конкретной референции не является препятствием для использования пословицы как иллюстрации в словаре толкового типа, так как иллюстрации обычно и подбираются как подтверждения типовых, шаблонных употреблений слова. Например, при включении в словарную статью *вошва* «Словаря обиходного русского языка Московской Руси» иллюстрации *Дороже козуха вошвы стали* [3, с. 96], отсутствие у слова *вошва* конкретной референции (сравн. *А дати ть денги за вошвы, что взяты къ ризамъ на оплечье (Расходные книги и столпцы Поместного приказа (1629-1659 гг.), 1644 г.)* [6, вып. 3, с. 77] и наличие общего метафорического иносказательного смысла пословицы не препятствует использованию паремии в качестве иллюстративного материала. В отношении же второго, иносказательного плана высказывания, исторический словарь, где единицей описания является слово, не ставит задачу интерпретации этого обобщенного, метафорического понимания высказывания и задачу истолкования расширительного смысла пословиц, но словарь отмечает переносные значения слов: например, на основе пословичного контекста *Измазану бѣдами не измытса водами* [3, с. 110], у глагола *измазать* в словаре выделяется переносное значение ‘измучить’ [6, вып. 8, с. 261].

В историческом словаре толкового типа паремии, используя как иллюстрации, выполняют целый ряд функций. Пословицы, наряду с другим языковым материалом, подтверждают распространенные значения частотных слов. Так, в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси» пословичные контексты иллюстрируют содержание почти половины словарных статей: включены, например, в статьи на лексемы *дуровать*

‘нарушать установленные правила, делать что-л. плохое, предосудительное’ (*Баба дуруеть а дѣду грѣхи* [6, вып. 6, с. 81]), дух ‘запах’ (*Наишь Ульянь и з духу пьянь* [6, вып. 6, с. 83]), *ез* ‘заграждение на реке в виде плотины из хвороста, переплетенных прутьев, забитых в дно реки бревен и т. п. с промежутками для неводов или сетей, предназначенное для ловли рыбы’ (*Бзь в рекъ а язъ в Окъ лишь соли да хлебай* [6, вып. 6, с. 126]) и др.

Не менее, если не более важной функцией паремий как иллюстраций является их возможность подтверждать наличие в старорусском языке слов, не зафиксированных в других рукописных источниках. Т. е. определенное количество слов имеют единственную фиксацию в виде пословицы: например: *златолюб* ‘кто испытывает пристрастие к золоту, деньгам; скряга, скупой’ (*Златолюбъ не гъсть колачовъ* (Сим. Послов., 106, XVII в.)) [6, вып. 8, с. 70], *злонравный* ‘имеющий дурной нрав, характер’ (*Знай жену злонравну. что свиню приправну* (Сим. Послов., 107, XVII в.)) [6, вып. 8, с. 80]. При этом в ряде случаев слово, подтвержденное единственной цитатой-пословицей, является омонимом к другому слову, зафиксированному в словаре: см. *брань*¹ ‘тонкие дощечки, используемые для настила крыши’ и *брань*² ‘наказание побоями’ (*Умному брань что глупому дрань* (Сим. Послов., 146, XVII в.)) [6, вып. 6, с. 33] (слово зафиксировано только в пословице).

Пословица может быть одним из немногих (или даже единственным) примером, демонстрирующим реализацию словом особого значения или семантического оттенка: см. *землянин* ‘уроженец, житель одной с кем-л. местности, земляк’ (*Свой землянинъ. на чюжой сторонъ* (Сим. Послов., 142, XVII в.)) [6, вып. 8, с. 35], *изнемогать* ‘осиливать что-л., справляться с чем-л. через силу’ (*Плохо жить издѣваючи, надобно жить изнемогаючи* (Сим. Послов., 193, XVII в.)) [6, вып. 8, с. 275].

В силу того, что в пословицах распространенные слова часто оказываются в необычном окружении или употребляются в нехарактерных для их семантики или частотного функционирования формах, нередко пословицы – источник ценной грамматической информации. Например, благодаря пословичному материалу, можно видеть, что старославянское по прохождению существительное *елень* может быть не только мужского, но и женского рода (*Елень быстра а отъ смерти не утекаетъ* (Сим. Послов., 98, XVII в.)) [6, вып. 6, с. 137].

Органична связь идиоматики старорусского языка и паремиологии последующего периода: в пословицах начала XVIII в. фигурирует ряд фразеологизмов, обнаруживаемых в языке XVI–XVII вв.: сравн., например, *Бгды терпѣти камено сердце имѣти* [3, с. 174], и *имети какое-л. сердце* ‘вести себя соответствующим образом’.

Наконец, пословицы представляют бесценные культурологические сведения, давая информацию и о конкретных особенностях жизни людей прошлых эпох, и об особенностях менталитета: *Хлѣба к завтраю оставливаи а не дѣла* [3, с. 151], *Дурень лежит а честь ево ростеть* [3, с. 181], *Не избидь на дѣлу а послѣ дѣлу хот[ь] все отоими* [3, с. 125].

Таким образом, включение в исторический словарь пословичного материала как иллюстративного возможно при условии наличия точной датировки письменной фиксации паремии и соответствия жанрового своеобразия паремий концепции словаря. Такое включение допустимо и оправданно, так как пословичные контексты позволяют подтвердить и распространенные значения частотных слов, и наличие слов, не зафиксированных в других рукописных источниках, а также фиксируют редкие переносные значения слов, необычные грамматические формы, демонстрируют системность лексического материала, связь идиоматики и пословичного фонда. В историческом словаре толкового типа сопоставление пословичных примеров с остальным лексическим материалом позволяет сделать выводы о преемственности и динамике лексико-семантической системы разных периодов истории языка, о традиционности и специфичности лексики паремий, о закономерностях формирования фонда пословиц и поговорок в диахронии. В этом отношении материалы исторических словарей, содержащих пословицы в качестве иллюстраций, показывают включенность паремий в лексико-семантическую систему языка опреде-

ленного периода, позволяют проследить преемственность фразеологии соответствующей эпохи и языка пословиц, увидеть особенности функционирования слов, входящих в паремии, зафиксированные в языке разных эпох.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 20-012-42008 «Пословицы и поговорки как культурный феномен языковых реформ Петровского времени (ретроспектива и перспектива)».

Список использованных источников

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В. Н. Ярцева. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – 682 с.
2. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистический аспект) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.
3. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собр. П. Симони // Сб. ОРЯС. – Т. 66, № 7. – СПб. : Типография Императорской Акад. наук, 1899. – 216 с.
4. Мартьянов, Д. А. Сборники русских пословиц и поговорок первой половины XVIII века: лингвистическая информативность / Д. А. Мартьянов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. № 6. – С. 67–73.
5. Словарь русского языка XVIII вв. Т. 1–22. – Л., СПб. : Наука, 1984–2019, изд. продолжается.
6. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–8. – СПб. : Наука, 2004–2018, изд. продолжается.
7. Шипицына, Г. М. Обобщенный смысл русских пословиц / Г. М. Шипицына // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. – 2013. – № 4. – С. 227–230.

The article discusses the possibility and informative value of proverbs as illustrations in historical lexicography, considers the functions of proverb statements in a historical explanatory dictionary. As well the materials of historical dictionaries containing proverbs as illustrations demonstrate the place of proverb vocabulary in the lexico-semantic system of the language of a certain period.

Keywords: proverb, historical lexicography, dictionary entry, language history, semantic.

УДК 811.161.1'42'373.43:398.92

Е. А. Глазкова

МЕМ КАК СОВРЕМЕННАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Появившийся в интернет-среде мем уже стал предметом научного описания. Его изучают как инструмент межкультурной коммуникации, маркер общественных настроений, пример языковой игры, нестабильные культурные доминанты [1] и т. д. В статье рассматриваются особенности мемов, позволяющие включить вербальные мемы в круг современных фразеологизмов.

Ключевые слова: мем, фразеологическая единица, неология, фразеология.

Как самостоятельный раздел неология существует уже более полувека, однако долгое время «проблемы фразеологической неологии как самостоятельного объекта изучения практически не обсуждались» [2, с. 183]. В сферу внимания неологии попадают такие фразеологические единицы, появление которых было зафиксировано исследователями